

Нонна Белавина

СИНИЙ МИР

Нью Йорк
1961

Нонна Белавина

СИНИЙ МИР

Нью Йорк

1961

All rights reserved

Все права сохраняются за автором

Herausgeber: Nonna Belavina, 43-15 Elbertson Str.,
Elmhurst 73, N. Y., U. S. A.

Druck: Buchdruckerei I. Baschkirzew, München 8, Hofangerstr. 73,
Printed in Germany

I

Мой синий мир! В нем все смешалось:
Печаль и музыка любви,
И лжи тревога и усталость,
И губы нежные твои,

И рук твоих прикосновенья,
(Уже совсем знакомых рук)
И каждого стихотворенья
У сердца вымоленный звук.

И страсть, что нас уносит, рая,
В миры неслыханных высот,
И беспощадность расставанья,
И в бездну бешеный полет...

Мой синий мир!.. Мне все в нем ново,
Страшит и радует меня,
И буквы имени родного
Несу в нем, бережно храня.

И вот в моей ночной пустыне
Я их шепчу все вновь и вновь,
Блуждая слепо в мире синем,
Зовя тебя, моя любовь!..

Кончиком пальца росинки блестящей коснуться,
К теплomu дереву нежно прижаться плечом,
В комнате утром от света нежданно проснуться,
Сразу объятия солнцу открыв горячо.

Вот она — жизнь! И ничьих поцелуев не надо,
Только бы слушать веселые всплески воды,
Только бы в августе ночью из темного сада
Взглядом скользнуть по дороге упавшей звезды.

Только бы рифмы в душе никогда не иссякли,
Не порвалась бы мелодии тонкая нить,
Только бы жизнь до последней малюсенькой капли
Словно шампанское жадно и бережно пить! . .

Там, где цветут цветы воспоминаний,
Я сохранил твой лик . . .
И может быть светлей в грядущем станет
От снов моих.

Тропою звезд пойду я к жизни новой,
Но ты теперь вдали . . .
Закрыв глаза, одним коротким словом
Жгу корабли.

И новых берегов таинственно-далеких
Увижу синий дым . . .
Но только сердце будет одиноким —
Всегда твоим.

Не пойму, как она родилась
И найти не могу ей имя,
Эта тонкая-тонкая связь
Между нами, всегда чужими.

Как спокоен он был, мой путь!
Как глядела в глаза всем смело!
Только этой весной мне в грудь
Птица странная залетела.

И теперь поет и поет
Беспокойная эта птица . . .
Неужели пришел черед
Мне к страданию приобщиться?

Дни уходят жутко безвозвратные . . .
Радости так странно далеки . . .
Жизнь, как лента с выцветшими пятнами
Горя и тоски.

Голубая лента, выцвела от времени
В тех местах, где слез следы.
Донесешь ее тяжелым бременем
До волос седых.

И тогда оглянешься встревоженно:
Что же сделано за все года?
И увидишь, что искала невозможное,
За миражем шла всегда.

Взвизгнет осень отсыревшей скрипкою,
Небо тучею затянет сплошь . . .
Рот скривив прощальною улыбкою,
Жизни ленту ты порвешь!

Скорбной дрожью вздрогнули плечи,
Стали грустны глаза мои . . .
Я ищу тебя в каждой встрече,
В каждом призраке новой любви.

Все прощая тебе ошибки,
Злую боль в этих длинных годах,
Я за нежность твоей улыбки
За тобою пойду всегда.

Словно тысячу лет прошло
От последней встречи с тобой,
Но я помню щеки тепло
И взволнованный голос твой.

Как мне быть счастливой, скажи!
Как найти настоящий путь?
Я тону в непосильной лжи
И от дум не могу уснуть.

От тебя уйти не хочу,
А с тобою — терпкая грусть,
Но к твоей любви, как к лучу,
Стебельком я жадно тянусь.

Я зову тебя по ночам,
Я стихи читаю тебе,
Никому тебя не отдам,
Ты — последний в моей судьбе.

Перечеркну в весенний вечер
Звездой, скользнувшей в небесах,
Все мне подаренные встречи,
Все поцелуи на губах.

Всю жизнь налаженную будто,
И все, что было до сих пор,
За полупризрачное утро
И за серьезный этот взор.

За заблудившиеся руки
В копне растрепанных волос,
За губы, нужные до муки,
За твой волнующий вопрос.

Перечеркну сверкнувшим маем
Черновики прошедших дней . . .
Вторую жизнь мы начинаем
Всего сильнее, всего нежнее! . .

Облака огромными слонами
По полям небесным расползлись . . .
И зари торжественное знамя
Кто-то вздернул в голубую высь,

И осыпал город перламутром
О войне не думающий май . . .
В этот миг, когда рождалось утро,
Ты сказал мне: «Нет, не провожай!»

И ушел. И тихо дверь закрылась.
На губах унес кармина след . . .
. . . Может быть мне все это приснилось
Под весенний розовый рассвет? . . .

Синим миром меня не дразни.
Синий мир для нас заколдован.
И в мои спокойные дни
Не врывайся ласковым словом.

Может быть я тебя ждала.
Может быть для меня ты создан.
Только мне не поднять крыла,
Чтоб взлететь за тобою к звездам.

Ты знаешь, нежность во мне, как неразменный
рубль.

Я трачу щедро ее, всю раздаю сполна...
И все же она растет, а не идет на убыль,
И кажется: сердце вовек не вычерпать до дна.

Я лью ее на цветы, кормлю ею птиц и белок,
С утра до вечерних звезд бросаю вокруг себя...
И все же она растет!

Скажи мне, что с нею делать...
Пойми! ведь я задохнусь, весь мир так нежно
любя!

Вспоминай! И пусть захлебнется
От восторга сердце твое.
Мы из жизни вечной колодца
Небывалое счастье пьем.

И уже ничем не измерим
Этих новых дней глубину,
Открывая светлые двери
В нежный мир, где оба в плену.

Ты забыть ничего не сможешь,
Если даже годы пройдут,
Я с тобой до последней дрожи,
До предсмертной дрожи дойду.

Буду в мыслях с тобою рядом
И не дам ничего забыть,
И руками, губами, взглядом
Затяну лишь покрепче нить.

Завяжу узлом наши души,
Послежу, чтоб пламень не гас.
Вспоминай, как ты сердце слушал
В заколдованный счастьем час!

М А М Е

Одна слезинка из закрытых глаз.
Последний вздох — и кончился твой вечер!
И смотрит смерть из темного угла
На оплывающие свечи.

Конец. И невозможно стать бледней.
И маленькие руки холодеют.
Как страшно: солнце нежности твоей
Меня вовеки не согреет.

И больно жить, попрежнему любя,
Любя тебя — ушедшую — и ныне . . .
Какой холодной станет без тебя
Грядущих дней моих пустыня! . .

II

Чужие дороги

А М И Н Ъ

Неужели дни свои растрachu?
Неужели молодость уйдет
В эту жизнь ненужную собачью,
В этих мук и бед водоворот?

Впереди бесцельность, бездорожье.
В дни изгнания — встреча с нищетой . . .
Не желаю милостыни Божьей,
Не просила жизни я такой.

Разве мало я платила дани?
Разве мало горя и потерь?
Я уйти сумею без страданий,
Я захлопну траурную дверь.

Пусть мне только прошлое приснится
В то мгновенье светлое, когда
Я сомкну, не дрогнувши, ресницы,
И усну спокойно навсегда . . .

1944

Я покинула все пепелища,
Порвала все круто и резко,
И бреду за тобою — нищей
По чужим путям, перелескам,

По каким то чужим деревням,
Через солнца лучи и тучи,
Но с тобою, как в сказке древней,
Твердо верю, что будет лучше.

Полон путь испытаний разных,
Все снесу, пройду терпеливо,
Лишь бы только любви нашей празд-
ник
Не солгал нам пустым порывом.

Лишь бы в душах горели свечи,
Как в те дни, что давно уплыли . . .
Лишь бы в поздний жизненный вечер
Мы такими же близкими были.

Я помню вечер на бульваре Вены
И мальчика с гвоздиками в руках.
Еще в ушах звенела грусть сирены,
Еще в сердцах поеживался страх,

И все казалось призрачным и диким
Из подземелья вышедшим на свет.
А мальчик всем протягивал гвоздики
И я купила маленький букет.

И в городе окутанном пожаром
И в зареве плывущем, как в крови,
Прижав к груди несла я свой подарок,
Как дань твоей сверкающей любви.

У КРЕСТА

Ты все забрал: и дом мой и семью . . .
Ты отнял все, забывши слово — жалость . . .
И я ушла спасать любовь мою,
Одну любовь, что у меня осталась.

Но горе подбирается, как тать,
И корчится любовь моя от боли . . .
О Боже, помоги не возроптать,
Дай мне принять Твою святую волю.

Но если можешь, сохрани ее
Любви крылатой маленькую ношу . . .
И сердце беспокойное мое
К ногам Твоим я в благодарность брошу.

К чему торопить эти дни?
Они поторопятся сами . . .
И сами угаснут огни
С последними серыми днями . . .

И холод . . . и холод и мрак . . .
Душа, ты бессмертна ль? Не знаю.
Придешь ли в небесный очаг
Что раем мы здесь называем?

Иль тихо растаешь во мгле
Чужого бесстрастного неба?
И . . . был человек на земле,
А словно и не жил и не был! . .

Было чувство небывало свежим
И таким неожиданным, словно чудо,
Но насильно счастье не удержим,
Я просить о нежности не буду.

Все сложив к ногам твоим, как жертву,
Ничего не взяв себе на память,
Я считала, что любовь бессмертна
И тверды слова твои, как камень.

И в пути, когда под скрежет резкий,
И под стон пожарного набата,
Каждый час кольшет занавески
В ту страну, откуда нет возврата, —

Мне твоя любовь была опорой,
Ты в своих руках держал мой отдых, —
Отчего же топчешь ты так скоро
Так беспечно топчешь наши звезды?

Но приму потери все и войны . . .
Не сломить меня и этой мукой . . .
В гордом одиночестве, спокойно
Глаз не опущу перед разлукой! . .

1944

О. Гребенщикову

В вечерних сумрачных мечтах
Я шевелю бывшего плиты . . .
Об Алых помню Парусах,
Ты дорогой и незабытый.

Порой в холодном шалаше,
Разбита горем и дорогой,
Тянусь душой к твоей душе,
Такой таинственной и строгой.

И прикрывая сердца боль
Улыбкой бледной и неверной,
Плыву с тобою в Сан-Риоль
Иль к берегам моей Каперны.

Вокруг безмолвие руин . . .
Чужая жизнь, чужие люди . . .
В душе моей — и ты, и Грин; —
И оба шепчете о чуде.

Ложатся тяжестью года,
Все разрывая, между нами . . .
И вот — Дорога никуда
Пылится грустно под ногами . . .

Разлуки не боюсь. Но странно, что ошиблась,
Что, бросив все, я избрала твой путь.
И вот — в пути — любовь твоя погибла,
И веры мне в тебя вовеки не вернуть.

Разлуки не боюсь. Твои чужие руки
И рот, роняющий жестокие слова,
Мне больше не нужны. Я не боюсь разлуки.
Я жду ее теперь, когда любовь мертва.

Бродит ветер в открытом ворота,
Треплет ветер волосы мне.
Мы — на площади в тихом городе,
В разбомбленной чужой стране.

Сколько верст за спиной оставлено,
Сколько верст подошвами — в кровь,
По земле, что войной раздавлена,
Шли искать убежище вновь.

И теперь у города мертвого,
Где мосты над рекой сошлись,
Стало ясно, что прошлое стерто
И что мачехой станет жизнь.

Искалечит, душу измучает,
И любовь утопит в слезах,
Но чтоб верить во что то лучшее
Посмотри мне скорей в глаза.

Пусть мечом нависла Дамокловым
Неизвестность нового дня,
Пусть изранены ноги стеклами,
Все же страха нет у меня.

Твердо верю, что все прокатится,
Только сможем ли мы забыть?
Но за все мученья заплатится
Самой ценной радостью — жить! . .

МОЕЙ ДЕВОЧКЕ

Соловьи засмеются звонко,
Разольется вешняя трель,
И пойду я с моим ребенком,
Чтоб в лесу найти колыбель.

Промелькнут зайчата — живые...
Пролетит вдали стрекоза...
Будут ярко блестеть голубые
У моей дочурки глаза.

Разовьется солнечный локон,
Луч зажжет румянец лица...
И тогда в этом мире широком
Буду счастлива без конца.

Счастье легкое ушло ...
Стаяло в лазури ...
Видишь, голубю крыло
Изломала буря.

Хлещет ветер ... Ночь темна ...
Нет путей к Отчизне ...
Боже, как горька она,
Чаша нашей жизни.

Ветер всех швыряет прочь ...
В плач ... в рыданье ... в скрежет ...
Обезумевшая ночь
Все полеты режет.

Не найти во мгле земли,
Крылья бьются даром ...
Смерть и горе все сожгли
Яростным пожаром.

.
Счастье было, как стекло ...
Хрупкого — не стало ...
Видишь, голубю крыло
Буря изломала.

Вновь зажгли каштановые свечи
Над дорогой белые огни . . .
И, как прежде, в ясный звездный вечер
Мы с тобою счастливы — одни.

Прошлый год с тревогой и скитаньем
Улетел в забвения края.
Не томи себя воспоминаньем,
Отдохнувшая душа моя!

Ведь дорогой радостной и новой
Покатилась жизнь моя вперед . . .
У меня мальчишка желтобровый
В колыбельке кулачки сосет.

О. и И. Миклашевским

Там в сердце маленьком, где светлые обои
Закрыли стенки звонкие, как стих,
Мне кажется, что тесно вам обоим
От всех порывов и страстей моих.

Глотнув любви и опьянев до смерти,
Остановившись в жизни на бегу,
Два имени в заклеенном конверте
На дне души так нежно берегу.

И донесу до шаткого порога
Могилы, не растратив ничего,
Весь дар любви, полученный от Бога,
Для мужа и для сына моего.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(Сыну)

Ну, пора скорей в кроватку!
День окончил путь.
Мой мальчишка сладко-сладко
Должен в миг уснуть.

Солнце тихо за горою
В терем свой сойдет,
Звезды светлую толпою
Брызнут в небосвод.

И большой широкий месяц,
Кругленький совсем,
Добрый Боженька повесит,
Чтоб■ светил нам всем.

И тогда — ты верно знаешь —
Из своих дворцов
Вмиг на крылышках слетает
Много резвых снов.

Если будешь ты послушным
И уснешь сейчас,
Сны тебе нашепчут в ушко
Новый ряд проказ.

Будет сказок изобилье . . .
Быстро засыпай.
Сон летит на легких крыльях . . .
Тише! Баю — бай! . .

Пахнет осенью в старом парке,
Желтый лист ложится ковром,
Дни еще по летнему жарки,
Но прохладу вечером пьем.

Небеса торжественно сини,
И деревья чудно легки,
На коротенькой паутине
Путешествуют паучки . . .

Провода, как гитары струны,
Перерезали неба свод . . .
И — прислушайся — снова юность
Мне под осень песни поет.

ФАБРИКА

Круглые лампы . . . Круглые белые стекла.
Где это было? Когда?
Гордая мысль Человека как будто засохла.
Ночи ползут как года.

Грохот машин . . . Скрип, раздирающий нервы . . .
Радио — воющий зверь . . .
Ночь без конца . . . О, как мне хочется первой
Выбежать в узкую дверь.

Знаю: ты дома согреешь мне ласкою ноги,
Высушишь соль на глазах,
Мысль успокоишь, и в этих минутах немногих
Скроется фабрики страх.

После уйдешь. И опять затоскуют сирены,
Взрывы измучают слух.
Пламя и дым. Обгоревшие, черные стены.
В сердце тоска и испуг.

Вечером снова машины, машины, машины.
Длинных часов череда.
Взгляды угасли, согнулись усталые спины...
Где это было? Когда?

Лучше не помнить. Пускай уплывает в забвенье
Ряд этих страшных картин.
Жизнь улыбнулась: теперь у меня на коленях
Прыгает маленький сын.

В комнате нашей счастье запуталось в сети...
Тихий уют и покой.
И по утрам, просыпаясь с тобой на рассвете,
Радость глотаю душой.

Я боюсь твое грозное серое имя
Даже краешком губ произнести . . .
Ты неслышно ползешь за плечами моими
Беспощадная, злая, как месть.

Ты твердишь мне над ухом надменно и грубо:
«Летних дней укатилось кольцо» . . .
Ты из зеркала скалишь улыбкою зубы,
Сеть морщин мне бросая в лицо.

Осыпаются дни — календарные листья . . .
Ближе, ближе покоя пора . . .
Ты швыряешь мне в кудри волшебною кистью
Примирающий блеск серебра.

Но не может душа примириться с покоем,
Окунуться в забвения дым,
Мое сердце — оно навсегда молодое . . .
Что же делать мне с сердцем моим?

Может вынуть и бережно сдать на поруки
До грядущих заоблачных встреч
В чьи то сильные, нежные-нежные руки.
Те сумеют его уберечь.

И когда подползет равнодушно и смело
Смерть моя, я забуду свой страх.
Пусть возьмет поскорее ненужное тело —
Сердце будет в надежных руках! . .

Я совсем — увы! не знакома
С упырями и нечистью разною.
У меня не живали дома
Ни кикиморы, ни свещеглазники.

А вампиры если и жили
Где-нибудь вблизи, то наверно
Дом мой издали обходили,
Пожимаясь суеверно.

И под старой чердачной крышей,
Где луна проникала в щели,
Копошились чуть слышно мыши
И псалмы свои ветры пели.

А когда наступало утро,
То веселое солнце мило
Забиралось сквозь щели внутрь
И ревизию наводило.

Заставляло плясать в гавоте
Расщалившиеся пылинки,
Паука призывало к работе
На скреплении паутины,

Разгоняло мышиные встречи,
Танцевало зайцем по стенам,
До того, как ленивый вечер
Приковывалил дню на смену.

Здесь ни разу не снял квартиры
Хоть какой-нибудь призрак зыбкий.
И боялись, как дня, вампиры
Беззаботной моей улыбки.

Вот прогнала смеющиеся сны
И встретив утро сонными глазами,
Я по дороге, белой от луны,
Бегу к огням, горящим на вокзале.

И тихо все. Молчит соседский пес.
И на заборе стынет спящий дроздик . . .
Последний разозлившийся мороз
Задорно мне пощипывает ноздри.

А жизнь поет из каждого гнезда,
Поет во всех нетерпеливых почках,
Поет в тугих веселых проводах,
Во всем, что петь и радоваться хочет.

Весь Божий мир поет вокруг меня . . .
И в глубине души моей мятежной,
Крутым бубенчиком раскатисто звеня,
Смеется жизнь волнующе и нежно.

И все равно, что скомканы пути,
Что каждый день приносит боли много —
Какое счастье — бодро так идти
Прозрачным утром белою дорогой.

Я тебе говорила: «Вы».
Задыхаясь в твоих объятьях.
В волосах — стебельки травы,
Под рукой разорвано платье,

А в глазах туман и тоска
И как молот стучит рассудок:
О, пойми, все равно близка
Я тебе никогда не буду! . .

Поэзия! Плоды добра и зла!
Нет, не могла в тебе я ошибиться.
Ты с детства мне опорой была
И будешь мне последнею страницей.

Мне не обидно, что мой голос тих,
Что может быть его никто не слышит,
Я жадно внемлю голосам других —
Как часто в них мои же чувства дышат.

И все забыто — горести и страх,
И синие сверкают рядом звезды.
Но может быть в моих простых стихах
Комунибудь мелькнет желанный отдых.

III

НЬЮ ИОРКУ

Белый жемчуг на . . . черной шее . . .
Блеск рекламных огней вокруг . . .
Ты мне скоро станешь милее
Неожиданный новый друг!

И сейчас с твоего асфальта
Шлю улыбки своей судьбе,
Цирковым, сумасшедшим сальто
Зашвырнувшей меня к тебе.

Прежний путь мучительно долг,
За плечами холод и тьма,
Но огнем рождественских елок
Мне сверкают твои дома.

И взволнованным утром летним
Я вливаюсь в твой водоворот . . .
И чужого города ветер
Мне о новой жизни поет . . .

1949

СУДЬБЕ

Ты бросалась, как бешеный пес.
И с тобой было трудно спорить.
Каждый день мне с собою нес
Новый груз смертельного горя.

Как смогла я все побороть,
Исходя слезами и кровью?
Может в синем небе Господь
Обо мне подумал с любовью?

Но теперь опасности нет.
Все дороги открыты к счастью.
И намордник крепкий надет
На твоей оскаленной пасти.

Мы с тобою давно. Но помнится
Первый год. И им я пьяна.
Про меня шепнули: любовница.
Ты ответил твердо: жена!

Я поверила слову яркому.
И былое вмиг отшвырнув,
За любви нежданной подарками
Я пошла в огонь и войну.

Подсказали мне сердце с разумом,
Что с тобой у нас путь один...
А теперь мы навеки связаны
Милым маленьким словом: сын!

Ничего не сохранила память
Из весны последней, голубой.
Только помню: новыми словами
Бушевал наш песенный прибой.

Помню позже пряный запах лета,
(Были дни безоблачно легки!)
Смуглого печального поэта,
О березах нежные стихи,

Осени шуршащую походку,
Первые снежинки на пути,
Губы, протянувшиеся кротко
К моему последнему «прости».

Для тебя надела красные сандалии,
Бархаткой стянула локонов венки,
Но глаза скользнули и не увидели,
Стало сердцу ясно, как ты мне далек.

И теперь я знаю, что не станешь ближе,
На одну неделю, хоть на день, на миг.
Ты не станешь ближе. Видишь сердце ниже
На шнурок печали жемчуг слез своих.

Был у нее тогда жестокий взгляд
И на губах улыбка леденела . . .
Я помню, помню — много лет назад
Так жизнь моя в мои глаза глядела.

Но я сказала: «Милая, постой,
Не говори решительного слова,
Ведь я прощаю все своей душой
Лишь за кусочек неба голубого.

И все потери я переживу,
Прощу тебе весь груз своих мучений —
За эту вот зеленую траву,
За этот ветер шалый и весенний».

И может быть оттаял в сердце лед
И стало сердце жизни человечней . . .
С тех пор, как мать, она меня ведет,
Заботливо мои обнявши плечи.

Не оттого ли я сейчас грустна,
Что ты мне не был близок в жизни длинной?
Теперь уже коснулась седина
Моих волос тончайшей паутиной,

И молодость совсем издалека
Прощально машет веткою сирени,
И я уже не вздрогну коль слегка
Рукою тронешь ты мои колени.

Пусть говорят, что мир — пустыня,
Что в жизни страшно и темно, —
Пью из небесной чаши синей
Зари пурпурное вино.

И, пробежав по мокрым травам,
Бросаю всюду жадный взгляд,
Ловлю под деревом кудрявым
Грозы недавней аромат.

И капель ласковую тяжесть
Держа в ладонях теплых рук,
Слежу, как быстро сети вяжет
Мой самый страшный враг — паук.

А дальше, там в цветочной чаще,
Где лютик тянется к лучу,
Я желтой бабочке летящей
Какой то нежный вздор шепчу.

И растворяясь в этой жизни,
И тихой радостью дыша,
На все вокруг улыбкой брызнет
Моя поющая душа!

...В час, которого не будет строже,
Об одном прошу Тебя я, Боже:
Память у меня Ты отними!

Д. Кленовский

О, Господи! В последний страшный миг
Молю Тебя: лишь сохрани мне память,
Чтоб помнить все щедроты рук Твоих:
Осенних дней золоти́стый стих
И зорь весенних чистоту и пламя.

Чтоб не забыть чудесный холодок
У сердца — при глубоком, страстном взгляде,
Поэзии божественный намек,
И колдовство наивных первых строк
Записанных в растрепанной тетради.

Все взоры мною встреченных очей,
И всех друзей улыбчивые лица,
Чайковского сверкающий ручей,
Ребенка губы у груди моей,
Онегина бессмертные страницы.

И, если в миг прощальный пережить
Всю эту жизнь, мелькнувшую, как чудо,
О как легко тогда порвется нить,
Легко мне будет душу отворить
Лучам последним, брошенным «оттуда».

С моей девочкой чернобровой
Я брожу тихонько у моря . . .
Над закатной кромкой лиловой
Солнце с темным облаком в споре,

Что то ласково волны шепчут,
Он подходит — спокойный вечер,
Я сжимаю нежней и крепче
Синеглазой девочки плечи.

Никого нет родней и ближе . . .
И пускай все мечты впустую, —
Я ее своим сердцем вижу
И люблю ее, как живую.

Только глотнуть поутру жгучий и терпкий воздух,
В полдень жарким лучам жадно подставить грудь,
В тихий вечера час, мысли ожегши о звезды,
В самую глубину темного неба нырнуть . . .

Белке махнуть рукой на одинокой аллее,
Из паутины седой бережно вынуть жучка . . .
Боже! счастливых глаз даже поднять не смею . . .
Не оскудеет вовек милостью Божья рука.

Н. С. Гумилеву

На обложке — набросок лица . . .
Это все знакомство с тобою.
Но смотрю теперь без конца
На твое лицо дорогое.

Отчего с тех горчайших лет
К этим дням протянуты нити?
Ты всю жизнь — любимый поэт,
Ты всегда и друг и учитель.

И стихов твоих нежный груз,
Как свечу по жизни несу я.
О тебе — убитом — молюсь.
По тебе, как живом, тоскую.

Я горю, как яркое пламя
На весеннем сухом ветру . . .
И черешни из рук губами,
Словно ласку твою беру.

И не буду мечтать о чуде,
Создавая светлую ложь,
Знаю я: ничего не будет,
Равнодушно мимо пр'ойдешь.

И окончится просто и странно
Неначавшийся сон любви . . .
Лишь однажды нежным туманом
Обманули глаза твои! . .

Мне хочется порой из нежности колодца
Поднять к тебе струю живых журчащих

слов . . .

Но только лишь мой взгляд с твоим на миг

сольется

Пойму я, что нельзя. Твой приговор суров.

И словно в омуте тону в своей обиде,

Зажав зубами стон невыплаканных мук.

И крикнуть хочется: о, разве ты не видишь

Моих зовущих глаз, моих дающих рук? . .

Облака рваный клочок
На синей неба эмали,
Рядом друга плечо
И руки, что счастье дали.

Волн бездумная ложь,
Запах солнца и лета.
О, как Ты много даешь
Мне радости в жизни этой! . .

Назови, как хочешь, этот возраст.
(Говорят, что молодость прошла.)
Но я чувствую все также остро
Первый миг весеннего тепла.

И в себя весь этот мир приемля,
Я взамен всю душу отдаю.
Эту нестареющую землю
Я совсем, как в юности, люблю.

И когда промчится золотая
Осень над моим последним днем,
Над землею облаком растаяв,
Я вольюсь в нее живым дождем.

И не помня, кем была я раньше,
Я хоть тем свой долг земле верну,
Что напьется мною одуванчик
Отходящий вечером ко сну.

Оттого-ль, что много забот,
Оттого-ль, что промчалось лето,
Но душа теперь не поет!
Неужели все песни спеты?

И глаза уже никогда
Не увидят вечное пламя?
И с небес вечерних звезда
Не скользнет мне в душу стихами.

А еще недавно вокруг
Все жило, смеялось и пело . . .
Это лето тысячью рук
Обнимало мне нежно тело.

И деревья, цветы, трава,
Дятлов звонкие перестуки
Все шептали свои слова.
Все для песен дарили звуки.

Но веселый праздник исчез,
Пролетели дни без оглядки,
И в окно с туманных небес
Машет осень мокрой перчаткой.

Говорят — стареем! — Смотри,
Ведь душа моя все в угаре.
Никакие календари
Никогда ее не состарят.

Ей бы все гореть и гореть,
Замирать, восторгом томиться,
Ей бы все весной на заре
В небеса взлетать словно птица.

И молиться, жарко любя
Эти лета, осени, зимы,
И пылать костром для тебя,
Для тебя, мой всегда любимый.

Пусть утерян времени след...
Жизнь летит, за ней не угнаться...
Я не знаю, сколько мне лет,
Но моей душе — восемнадцать!..

ОСЕННЕЕ

Умытый небосклон прозрачно-чист . . .
Нарядна осень в праздничном багрянце . . .
И ветер гонит запоздалый лист
В последнем беспощадном танце.

Вот промелькнул каштановый листок,
Над головой метнулся ошалело
И посреди дорожки тихо лег,
Среди друзей сухих и помертвелых.

И в судороге пальцы заломив,
Он смерти ждет . . . И я шепчу невольно:
Перешагни его, еще он жив;
В последний миг ему не сделай больно . . .

Д. Кленовскому

Как прикоснуться хочется мне
К жизни твоей — хоть легкой тенью,
Солнечным зайчиком на стене,
Звоном пасхальным, первой сиренью,

Утренней каплей росы в траве,
Щебетом птицы в сумерках мая,
Звездочкой снежной на рукаве —
Только коснуться и вмиг растаять.

Или пером, бумагой простой,
Или же маленькой буквой черной,
Чтоб под твоею твердой рукой
В книгу твою улечься покорно.

МОЕЙ СТРАНЕ

Где то там в самом тайном ящике,
Спрятав бережно в уголок,
Не устало сердце выращивать
Необычный хрупкий цветок.

О, как много путей исхожено,
Сколько слез душа пролила,
Только то, что отчизной вложено,
Как страстной огонь берегла.

И вернемся ли к ней, покинутой?
Или радость не вспыхнет вновь?
Но не будет из сердца вынута
Неземная моя любовь.

Напоенный горем изгнанников,
Превращенный в молитву, вздох,
Непонятный, странный и маленький
Не увянет любви цветок.

СТИХИ О РОДИНЕ

О родине? Но где найти слова
Звучащие победным громом меди,
Чтоб о России, что едва жива,
Чтоб о России петь, как о победе.

О родине? Но где моя страна,
Когда то мною брошенная наспех,
Всю чашу мук испившая до дна,
Почти погибшая в кровавых распрах.

И все ж о родине . . . О той, что напролом
Шла на врага через леса и пашни . . .
О той — далекой родине споем.
Пусть это песнь о родине вчерашней.

Ну что ж? На Русь надвинулась беда,
Затмили солнце дьявольские лики,
Но мы забыть не можем никогда,
Что был у нас когда то Петр Великий.

Мы помним и кружится голова
От русской доблести еще во время оно,
Когда сама сожгла себя Москва,
Чтоб не впустить к себе Наполеона.

И ведь у нас, как в веке золотом,
Искусство восходило на ступени
И расцветал невиданным цветком
Чайковского неповторимый гений.

И рвался в высь неистовый Пегас,
И «Медный Всадник» вылетал на Невский...
Ведь Пушкин был у нас, у нас!.. У нас
Творили и Толстой и Достоевский.

Ну что ж, что там теперь лишь кровь и дым?
Придет конец и дьявольской затее!
Но мы в изгнании твердо сохраним
В сердцах, как в историческом музее

Ту родину, что знали мы вчера...
И гром побед и ширь родимой песни...
И мир дождется, что придет пора
И Русь моя, как Иисус, воскреснет!..

Весна . . . И пьет душа весенний хмель.
И мотыльком рвануться к солнцу хочет.
Вот он приходит — ласковый апрель,
Волшебной палочкой касаясь ранних почек.

И нежный май подарит ландыш нам,
И щебет птиц и вешние заботы . . .
Но за подснежник первый не отдам
Я ржавчины осенней позолоты.

И шорох листьев под ногой моей,
И паутинок легкое сверканье . . .
Люблю всегда и глубже и нежней
Природы золотое умирание.

.
Воспоминаний кубок жадно пью:
И с детских дней по жизни пролетая,
Благословляю молодость свою,
Далекую весну благословляю.

И сердце обреченное стихам,
Года, когда и верилось и пелось . . .
Но за весенний лепет не отдам
Продуманную радостную зрелость.

И глаз моих простой спокойный взгляд,
И сильных рук упорство и работу . . .
Нет! ничего я не хочу назад!
Я счастлива — осенней позолотой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

Мой синий мир	5
Кончиком пальца росинки блестящей коснуться . . .	6
Там, где цветут цветы воспоминаний	7
Не пойму, как она родилась	8
Дни уходят	9
Скорбной дрожью вздрогнули плечи	10
Словно тысячу лет прошло	11
Перечеркну в весенний вечер	12
Облака огромными слонами	13
Синим миром меня не дразни	14
Ты знаешь, нежность во мне	15
Вспоминай!	16
Маме	17

II

Аминь	21
Я покинула все пепелища	22
Я помню вечер на бульваре Вены	23
У креста	24
К чему торопить эти дни?	25
Было чувство небывало свежим	26
В вечерних сумрачных мечтах	27
Разлуки не боюсь	28
Бродит вечер в открытом ворота	29
Моей девочке	30
Счастье легкое ушло	31
Вновь зажгли каштановые свечи	32
Там в сердце маленьком	33

Колыбельная	34
Пахнет осенью в старом парке	35
Фабрика	36
Я боюсь твое грозное серое имя	38
Я совсем — увы! не знакома	39
Вот прогнала смеющиеся сны	40
Я тебе говорила «Вы»	41
Поэзия! Плоды добра и зла	42

III

Нью Йорку	45
Судьбе	46
Мы с тобою давно	47
Ничего не сохранила память	48
Для тебя надела красные сандалии	49
Был у нее тогда жестокий взгляд	50
Не оттого ли я сейчас грустна	51
Пусть говорят, что мир — пустыня	52
О Господи! В последний страшный миг	53
С моей девочкой чернобровой	54
Только глотнуть поутру	55
На обложке — набросок лица	56
Я горю, как яркое пламя	57
Мне хочется порой из нежности колодца	58
Облака рваный клочок	59
Назови, как хочешь, этот возраст	60
Оттого-ль, что много забот	61
Говорят — стареем!	62
Осеннее	63
Как прикоснуться хочется мне	64
Моей стране	65
Стихи о родине	66
Весна. И пьет душа весенний хмель	68

